

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 24.

21 ЮНЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Швальдбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щеткина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всеми приложениями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Въ № 24-му прилагаются: «Air de Don-Juan», соч. Петрова, и «Мазурка», соч. Шопена.

Содержаніе: Заграничныя письма (А. Сѣрова). — Вѣсти отъ всюду. — Критическія замѣтки (А. Г-ва).

На-дняхъ скончался одинъ изъ даровитѣйшихъ артистовъ русской сцены, Л. И. Фалѣевъ, занимавшій очень долгое время амплу слугъ. Самая яркая типичность игры была замѣчательной стороной его таланта; мѣсто Фалѣева на русской сценѣ, въ настоящее время, незамѣнимо, — тѣмъ болѣе чувствительна потеря этого замѣчательнаго артиста и достойнаго человѣка.

Кладемъ первый вѣнокъ на свѣжую могилу артиста, такъ долго доставлявшаго публикѣ художественныя наслажденія и такъ искренно служившаго своему искусству.

Спектакли окончательно прекратились въ городскихъ театрахъ; но начались на Каменноостровскомъ и Красносельскомъ театрахъ; въ послѣднемъ, на время пребыванія тамъ лагеря гвардейскаго корпуса, даваемы будутъ представленія по три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ; сообщенія открыты съ 15 іюня по Петергофской желѣзной дорогѣ.

Садовые концерты, и вокальные инструментальные, вступили въ свои права: въ Павловскѣ — оркестръ Штрауса, въ Новой деревнѣ — Гуингль и въ «Мондѣ «brillant», т. е. у И. И. Излера, — Мейера, неутомимо оглашаютъ воздухъ сим-
№ 23.

фоніями, увертюрами, кадрилими, польками, вальсами и проч. и проч. и проч.

Не объщая нашимъ читателямъ давать подробный отчетъ объ этихъ концертахъ, мы все-таки постараемся, ex officio, сообщить о нихъ общія и краткія замѣчанія, съ прибавленіемъ того же и о тѣхъ *увеселительныхъ* мѣстахъ, гдѣ даются концерты.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

II.

Веймаръ, $\frac{15}{3}$ іюня 1859.

Извѣстная истина, что мы всего болѣе *обязаны* бываемъ нашимъ врагамъ (nos ennemis sont nos meilleurs amis), — блистательно подтверждается новымъ примѣромъ. Со времени знаменитой «окончательной расправы» въ Сѣв. Пчелѣ, отъ 16 мая этого года, съ меня сложена большая часть ответственности во всемъ, что я пишу въ этихъ столбцахъ. Если, по чему-нибудь, читателямъ Вѣстника не понравится тонъ моихъ критическихъ отчетовъ, или они ихъ найдутъ сухими, скучными, туманными, безтолковыми, или невѣжественными по музыкальной технику, или безграмотными, однимъ словомъ плохими и глупыми до-пелъзи — пусть читатели мои пеняютъ, пожалуйста, не на меня, — мое дѣло тутъ — сторона! Вся вина за — г. Ростиславомъ, такъ какъ онъ объявилъ публично, что — увъ! — только *по его милости* я подвизаюсь въ Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ! Въ самомъ дѣлѣ! — не откажись г. Ростиславъ отъ сотрудничества въ этомъ журналѣ, во время его возниканія, и редакція не была бы (какъ выражается г. Ростиславъ) *окомпрометирована* моими работами. (Вы можете замѣтить, мимоходомъ, что г. Ростиславъ, несмотря на все залпы свои противъ меня — холостыми зарядами — конечно, не пересталъ питать пѣжной страсти къ на-

шему журналу,—не пересталъ чувствовать «влеченія, родъ недуга»... М. Я. Раппапортъ и Ф. Т. Стелловскій, безъ сомнѣнія, могли бы печатно выразить свою признательность г. Ростиславу и за эту симпатію къ ихъ журналу, и за добрые «совѣты» на-счетъ сотрудниковъ, но—по моимъ же словамъ—они уже исключили г. Ростислава изъ списка литераторовъ «существующихъ»).

Итакъ, мнѣ осталось, давая отчетъ объ одномъ только Лейпцигскомъ праздникѣ, рассказать вамъ еще про два концерта, двѣ мессы и одну оперу. Вооружитесь терпѣніемъ, а въ случаѣ чего, помяните лихо... г. Ростислава.

На другой день послѣ моего прибытія въ Лейпцигъ, т. е. на слѣдующее утро послѣ перваго большаго концерта въ театрѣ,—происходилъ маленькій концертъ (Privat-matinée) въ залѣ одного клуба (Schützenhaus), избранной для «засѣданій» собравшагося общества музыкантовъ (Tonkünstler-versammlung). Это музыкальное утро было только для «приглашенныхъ членовъ», но публика лейпцигская не особенно пострадала отъ такого лишенія.

Вотъ программа концертника: 1) Двѣ части изъ «Тріо» для ф. п., скрипки и виолончеля, соч. О. Баха (не великаго Себастьяна и никотораго изъ сыновей его, а нѣкоего вѣнскаго «любителя музыки», сына тамошняго министра). Исполняли: ганноверскій придворный піанистъ Альфредъ Іаэль (Jaell), — лейпцигскій первый концертмейстеръ Фердинандъ Давидъ и первый виолончелистъ соло въ Лейпцигѣ, Грюцмахеръ.

2) Пѣсни Фр. Шуберта и молодаго музик-директора (изъ Листовыхъ учениковъ) Эдуарда Лассена. Исполняла веймарская пѣвица (не театральная, хотя дочь актѣра и режиссѣра) Fräulein Genast. Акомпанировалъ Лассенъ.

3) Дуэтъ для ф. п. и виолончеля, соч. шведскаго композиста, Бервальда. Исполняли: племянница автора и ученица Листа, дѣвица Тегерстрѣмъ и Грюцмахеръ.

4) Пѣсня (или вѣрнѣе: сцена) для голоса и ф. п. «Loreley», слова Гейне, музыка Листа. Исполняли: г-жи Генастъ и Лассенъ.

5) Фантазія для ф. п. на мотивы изъ новой оперы в. герцога Саксенъ-Кобургскаго «Diane de Solanges». Сочинитель фантазіи и исполнитель—Альфредъ Іаэль.

6) «Hommage à Händel»—дуэтъ для двухъ ф. п., сочин. Мошелеса, исполненный Іаэлемъ и—авторомъ.

Сколько мнѣ разъ случалось, во время гощенія моего у Листа, въ прошломъ году, присутствовать на импровизованныхъ частныхъ музыкальныхъ утрахъ и вечерахъ, которые и составомъ и исполненіемъ далеко превышали это лейпцигское утро. Оно, надо замѣтить впрочемъ, попало въ число праздничныхъ засѣданій почти случайно (въ напечатанной программѣ фестиваля на это число назначены были «музыкальная лекція» и засѣданіе по-случаю одного новаго музыкальнаго проэкта. Замѣнено это было концертникомъ по причинамъ, отъ распорядителей не зависѣвшимъ. *Вездѣ* случаются такого рода причины!) Изъ всего, что я привелъ вамъ по порядку программы, замѣчательны были № 2 — пѣсни Фр. Шуберта и Лассена и № 4 «Loreley» Листа. Г-жа Генастъ обладаетъ голосомъ небольшимъ, но *поетъ* и *декламируетъ* «Lieder» Шуберта и другихъ въ его родѣ, прелестью, въ совершенствѣ. Лассенъ замѣчательнѣйшій композиторъ этого рода музыки; пѣсни Лассена *должны* и *будутъ* имѣть скоро повсемірную извѣстность въ Германіи на-ряду съ Шубертомъ, Шуманомъ и Робертомъ Францомъ. «Loreley» Листа (не

писалъ ли я вамъ объ этой пѣснѣ еще въ прошломъ году..?) безподобное вдохновеніе! Драматизмъ, духъ захватывающей, при этомъ постоянная красота звука въ голосѣ и въ картинномъ, выразительнѣйшемъ акомпаниментѣ!

Замѣчательнъ былъ еще послѣдній № программы, но уже съ отрицательной стороны. Старичекъ *Мошелесъ* выступилъ со своею старомодненькою піескою, стариннымъ манерцемъ исполненною. Въ сравненіи съ нынѣшними піанистами, особенно *Листовской* школы, мнѣ показалось, что Мошелесъ дотрогивается до клавишъ не пальцами, а какими-то наперстками металлическими, заостренными какъ стальные перья. Игра столько же бѣдно-сухенькая и вяло-блѣдненькая какъ и сочиненіе! «Fuit tempus!»

Alfred Jaell весьма-хорошій піанистъ, нынѣшній (съ пальцами безъ напертковъ) и очень щеголяющій своимъ отъивно-приятнымъ бархатнымъ «touché». — Но чтожь изъ этого! особенно, когда Листъ, Бюлоу—въ числѣ слушателей! и что за фантазія играть такіа *фантазіи!*

Въ тотъ же день, въ 4 часа по полудни, (Нѣмцы обѣдаютъ *во второмъ* часу), въ церкви св. Тѳомы (знаменитой Thomaskirche), была исполнена большая месса—Листа: Die Graner-Messe, т. е. написанная для освященія церкви въ г. Гранѣ (*). Самъ авторъ управлялъ (на хорахъ церкви, передъ органомъ) оркестромъ изъ 70 человекъ и хоромъ изъ 250 человекъ (составленнымъ изъ разныхъ sing-Verein'овъ Лейпцига).

Касательно музыкальнаго творчества, музыкальной производительности вообще, мы съ вами живемъ въ *престранное* время! Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго, когда публика и критика состояла къ сочинителямъ музыки въ отношеніи наивности, всякій, кто, писалъ квартетъ, или тріо, или сонату, или хоть двѣ три пѣсенки, и напечаталъ свои произведенія, *свою* музыку «toute qu'elle», тотчасъ поступалъ въ полкъ композиторовъ и на него смотрѣли съ подобающимъ уваженіемъ, какъ на одного изъ героевъ музыкальнаго Парнасса. Слава такая, по крайней мѣрѣ на время, доставалась до-нельзя легко. (У насъ, въ литературѣ, было *то же самое* въ концѣ прошлаго и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія). Теперь всѣ порядки перемѣнились. Наивность сужденія въ критикѣ исчезла совершенно, въ публикѣ (я говорю про германскую) начинаетъ исчезать. Между тѣмъ авторская извѣстность, слава, достается иногда легко, иногда до невѣроятности трудно, иногда по заслугамъ, иногда чуть не даромъ, и тутъ преудивительныя совершаются явленія! Критика разрабатываетъ тщательно трудныя вопросы музыкальной эстетики, доходитъ до результатныхъ мнѣній, о которыхъ философамъ прошлыхъ столѣтій и не снилось; критика нынѣшняя въ состояніи распознать, разоблачить съ-разу, поэзію отъ не-поэзіи, музыку отъ не-музыки, искусство отъ шарлатанства, разсудочность отъ вдохновенія. Критическіе взгляды серьезныя, вкореняются отчасти и въ слояхъ высшей образованной публики. Чего жъ бы лучше для судьбы искусства? Но, на ряду съ этимъ, вотъ что бываетъ на практикѣ: потная пачкатня, въ которой нѣтъ ничего кромѣ ремесленнаго умѣнья нанизывать ноту къ нотѣ, акордъ къ акорду, рутинная, дюжинная производительность, которая бы должна была со стороны критики нынѣшней съ-разу быть оттолкнута въ яму забвенія, «не существованія» въ искусствѣ, печатается, рекомендуется, анализируется «сop amog» даже иногда дѣла; имя автора такой пачкатни, наводняющей многіе му-

(*) Древнѣйшій церковь въ Венгріи. Освященіе происходило въ 1836 году.

зыкальные магазины, красуются въ числѣ первостепенныхъ знаменитостей! Съ другой стороны, произведенія вдохновенныя, строго-органическія, и этимъ организмомъ, расцвѣтающіи изъ главной, всеядной мысли, этимъ общимъ резултатнымъ настроеніемъ пролагающія новыя стези въ искусствѣ, блистательно открывающія ему новыя, безконечныя горизонты, такія произведенія, предъ которыми прежде всего надо преклониться въ прахъ каждому, кто чтитъ святость искусства, такія произведенія остаются долгое время едва замѣченными, достигаютъ публичности только послѣ необыкновенныхъ, невѣроятныхъ препятствій! Достигаютъ публичности, но публика, настроенная враждебными толками, молчитъ въ недоумѣніи, а журналисты, всею возможною ядовитостью, ополчаются противъ новыхъ по ихъ принципамъ, *незванныхъ* гостей въ искусствѣ, стараются заклеить и самыя произведенія и авторовъ ихъ, позорною насмѣшкою надъ чистѣйшими, идеальными стремленіями, стараются запятнать славу, въ самый моментъ ея возниканія, грязью изъ постыднаго смѣшенія жолчи, зависти и отсталоготуповиднѣи! Вотъ мысли, которыя промелькнули во мнѣ (процессъ мысли, какъ вамъ извѣстно, побыстрѣ процесса слова) при первыхъ звукахъ глубоко-религіозной, высоко-поэтической мессы *Листа*! Мнѣ жалко вспомнить, сколько есть на свѣтѣ людей, даже любящихъ музыку, которые Листа, какъ сочинителя музыки, знаютъ только авторомъ «Хроматическаго галона!» А какой-нибудь господинъ преважно величается авторомъ ораторій и симфоній, хотя ораторіи эти и симфоніи, въ сущности столько же благодѣтельны и дороги для искусства, какъ творенія знаменитаго автора ораторіи «Страшный судъ», Александра Лазарева! Подробный разборъ музыкальныхъ красотъ величественной мессы Листа, составилъ бы не статью, а брошюру. При этомъ я не имѣю еще права на такой разборъ (безполезный безъ потныхъ примѣровъ), не имѣвъ передъ собою партитуры этого громаднаго произведенія. Слышавъ его только однажды безъ предварительнаго подготовленія чтеніемъ этихъ нотъ, хотя бы въ эскизѣ, я могу говорить только объ *общемъ* характерѣ мессы, о настроеніи, которое она раждаетъ въ душѣ. Изъ легіона мессъ (католическихъ обѣденъ) есть—однѣ безъ оркестра, въ чисто-ритуальномъ, литургическомъ характерѣ (мессы Палестрины, современниковъ его и ихъ школъ); есть мессы съ оркестромъ, стиля исключительно-полифоническаго (*мессы Баха*); есть мессы съ оркестромъ стиля свободно-музыкальнаго (мессы Моцарта, Гайдна, Гуммеля, Керубини и др.). Во многихъ изъ мессъ этого разряда, характеръ музыки чисто-концертный, весело-симфонической, въ вѣскомъ вкусѣ и италински-медоточивый въ вокальныхъ соло, ушелъ далеко въ сторону отъ истиннаго, строгаго назначенія церковной музыки. Композиторъ, который могучимъ взмахомъ своего лирическаго полета возвратилъ музыку мессы къ идеальной строгости религіознаго настроенія, который примирилъ формы современнаго ему искусства, даже формы драматической выразительности и всѣ богатства инструментровки, съ условіями стиля полифоническаго и стиля литургическаго старинныхъ Италіянцевъ, былъ Бетховенъ въ своей первой мессѣ (C-dur, op. 86), Бетховенъ, стоя совершенно на почвѣ современнаго ему церковнаго стиля, глубоко проникнуть содержаніемъ текста и чудесно передалъ настроеніе прозрачной, теплой, дѣтски-простодушной вѣры. Во второй своей большой мессѣ (Missa solemnis, D-dur, op. 123) Бетховенъ подарилъ искусству про-

изведеніе громадности титанической, бездну премудрости и неизсякаемый родникъ красоты.

Формы Палестрины, стиль Баха и Генделя, неслыханныя сочетанія вокальныя, симфоническія, изъ сокровищницы *самого* Бетховена, изъ періода девятой симфоніи и послѣднихъ квартетовъ, сплетаются, скрещаются въ этомъ дивномъ произведеніи и дѣлаютъ изъ него широкую, необъятную тканьъ музыкальныхъ чудесъ на службу единой, всецѣльной, глубоко-религіозной мысли. Эту недосыгаемо-великую мессу, Бетховенъ самъ считалъ лучшимъ, полнѣйшимъ, высочайшимъ изъ своихъ твореній. Судите поэтому какъ высоко я поставлю музыку Листа, если скажу, что въ общемъ резултатномъ настроеніи, въ грандіозности формъ и всего стиля, въ *поразительной красотѣ* сочетаній оркестровыхъ и голосовыхъ, *Missa solemnis* Листа (тоже D-dur), въ ближайшемъ родствѣ со второю мессою Бетховена. И между-тѣмъ новое произведеніе, ничуть не подражаніе Бетховенской мессѣ. Многимъ моментамъ текста, данъ совершенно иной поворотъ и вообще, тогда какъ въ Бетховенской мессѣ каждая музыкальная мысль проведена по всѣмъ фазисамъ, самаго *широкаго* развитія, въ мессѣ Листа замѣтенъ «лаконизмъ» стиля, направленіе передавать смыслъ текста, внушать данное религіозное настроеніе немногими музыкальными образами, сильно и выпукло воплощенными. Особенно поразительное дѣйствіе на меня имѣли: начало мессы: Kyrie eleison, многія мѣста изъ Credo (картина страшнаго суда, передана съ величіемъ неслыханнымъ!) и «Benedicuss». Какъ бы я хотѣлъ слышать эти красоты еще и еще! Когда это случится?! Надо будетъ довольствоваться партитурой (великолѣпно-пзданной въ Вѣнѣ; хотя, какъ я замѣтилъ по-случаю «Tasso», чудеснѣй, словами неизобразимыя, прелести и новизны Листовскаго *оркестра* непремѣнно требуютъ воплощенія своего въ живыхъ звукахъ, а не въ мертвыхъ музыкальныхъ знакахъ на мертвой бумагѣ! Мастеръ, великій мастеръ и великій поэтъ въ звукахъ! Теперь уже не долго ему ждать, пока предъ нимъ преклонится весь музыкальный міръ. Пора одуматься критикѣ и публикѣ! Вагнеръ побѣдилъ, побѣдитъ и другой, столько ему родственный гений! Какъ онъ управляетъ исполненіемъ, какъ онъ, вліаніемъ своего капельмейстерскаго жезла, магнетизируетъ всю массу пѣвцовъ и инструментистовъ, этого нельзя рассказывать.

Въ церкви не аплодируютъ, но замѣтно было, что Грановская месса, исполненная еще въ первый разъ для Лейпцига, произвела впечатлѣніе могучее. Даже враги поваго направленія, личные враги Листа (ихъ было не мало въ огромной толпѣ слушателей; пустаго мѣста въ церкви не оставалось), всѣ эти кривотолки и клеветники, *должны* пріутihnуть на время. Лейпцигское празднество было для Листа, днями двухъ блистательныхъ побѣдъ надъ врагами новаго направленія музыки. Это разумѣется и была главная цѣль празднества, которое, какъ Листъ писалъ мнѣ, никакъ не должно быть смѣшываемо съ обыкновенными «фестивалями нѣмецкими», каждый годъ появляющимися въ количествѣ дюжины. На юбилей лейпцигской музыкальной газеты дѣло шло объ окончательномъ завоеваніи Листомъ и его школою почвы, которую оспариваютъ у него туповидцы, рутинисты и завистники, въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія. Теперь зная повой школы (Neu-deutsche Schule), поваго направленія въ музыкѣ, геройскою рукою Листа, водружено въ самомъ средоточіи германской музыкальной жизни, въ Лейпцигѣ. Во времена Бетховена поразительный, имъ данный искусству «полетъ въ страны невѣдомыя», совершился никакъ не замѣченный. Наше время,

при болѣе сознательности въ публикѣ и критикѣ, требуетъ чтобы прогрессъ искусства, формировался и виѣшнимъ образомъ.

Съ героємъ праздника и триумфаторомъ, съ великимъ артистомъ, окруженнымъ толпами его почитателей и жаркихъ приверженцовъ, въ ныѣшнемъ году, я свидѣлся за ужиномъ въ Schützenhaus, тотчасъ послѣ перваго концерта въ театрѣ (въ среду 1 июня и. ст.), и былъ принятъ еще теплѣе, еще дружественнѣе, нежели въ прошломъ году. Въ четвергъ (2 июня), въ день исполненія Листовской мессы въ большой залѣ того же клуба, былъ *парадный* ужинъ (Festmahl), человекъ на триста (все по приглашенію учредителей). Единственный гость изъ далекой Россіи, подошедшій пунктуально къ открытію юбилея, былъ по особымъ распоряженіямъ хозяевъ, посаженъ за почетный столъ, въ главѣ котораго сидѣлъ Листъ. За ужиномъ, по европейскому обыкновению, провозглашаемы были многіе тосты. Бесѣда, какъ водится между людьми артистическаго направленія, шла живо, весело...

(Пятница $\frac{3 \text{ июня.}}{22 \text{ мая.}}$).

Третій день праздника открылся чтеніемъ и говореніемъ рѣчей (въ залѣ Schützenhaus). Очень замѣчательна была рѣчь (или, лучше сказать, лекція) объ исторіи гармоніи въ примѣненіи ея къ ныѣшнему *statu quo*—*Вейцмана*, берлинскаго музыкальнаго теоретика, который гармонію знаетъ гораздо лучше даже г. Арнольда и г. Ростислава, и рѣчь доктора Амброза (изъ Праги) о вліяніи музыки на образованность (Cultur) и образованности на музыку. Музыкальное засѣданіе происходило и до обѣда, и послѣ обѣда. Послѣ чтенія рѣчей или лекцій (Vorträge), приступлено было къ основанію новаго музыкальнаго общества, *общаго* для всей Германіи (Allgemeiner Deutscher Musik-Verein), въ отличіе отъ мѣстныхъ музыкальныхъ филармоническихъ и т. д. обществъ, существующихъ по разнымъ городамъ Германіи. Членами новаго общества подписались, конечно, всѣ присутствующіе, но, пока не избранъ былъ комитетъ для опредѣленія уставовъ учреждаемаго общества, происходили пренія въ родѣ парламентскихъ. (Дѣло весьма интересное для чужеземца, никогда еще не бывавшаго среди такого проявленія европейской общественной жизни). Въ преніяхъ, диспутахъ, главную роль игралъ опять Францъ Листъ. Безъ его энергической воли и столько же энергическаго слова (на нѣмецкомъ), засѣданіе не пришло бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Вечеромъ того же дня, уже весьма утомленный всѣмъ слышаннымъ, я присутствовалъ въ Thomaskirche, при великолѣпномъ, тщательномъ исполненіи большой мессы, великаго Себастьяна Баха: (Die hohe Messe H-moll). Дирижировалъ музык-директоръ Ридель; хоры Musik-Verein'a, въ которыхъ Ридель же главою; въ оркестрѣ, волонтерами участвовали многіе знаменитые артисты. Партія органа аранжирована Доммеромъ, исполнена Фипкомъ. Эта колоссальная месса, опять изъ такихъ произведеній, о которыхъ отчетъ не возможно дать въ двухъ строкахъ, а для подробнаго разбора, надо посвятить отдѣльный трактатъ съ многими отступленіями въ область историческую и эстетическую.

Поразительно красивы, глубоки содержаніемъ и, въ своемъ строго-полифоническомъ стилѣ, недосыгаемо совершенны, многія части этого, по справедливости знаменитѣйшаго творенія. Упомяну только о неподобномъ первомъ хорѣ (фуга), о соло альты во 2-й части (gloria); о хорахъ Incarnatus,

crucifixus» (съ постоянно одинакимъ ходомъ баса, basso ostinato, во время всей піесы) о чудесномъ соло альты въ «Ag-nus Dei».

Но есть другія части въ этой мессѣ:—соло, дуэты, даже и хоры, очень формалистичныя, сухія, для нашего времени, мало интересныя и положительно скучныя. Summa summarum, это произведеніе изъ такихъ, которыя не теряютъ почти ничего при кабинетномъ изученіи партитуры, не вызываютъ ея непремѣннаго исполненія. Однако, такъ какъ эту мессу и въ Германіи исполняютъ весьма рѣдко, (по ея сложности и многотрудности), я былъ очень доволенъ этимъ случаемъ, узнать ее на дѣлѣ. Имѣя передъ глазами партитуру во время самаго исполненія, я могу засвидѣтельствовать, что въ партіяхъ тромбоновъ и въ партіи органа, были сдѣланы произвольныя прибавки, (усиленія голосовъ хора, а въ органѣ имитаций во время нѣкоторыхъ соло), что впрочемъ не искажало впечатлѣнія, нисколько. Я спрашивалъ, тотъ ли это органъ, на которомъ игралъ Себастьянъ Бахъ? Отвѣчали: нѣтъ уже другой; но на этомъ часто игралъ Мендельсонъ. Это не совсѣмъ одно и тоже.

Въ субботу 4 июня (23 мая) опять концертъ, въ 10 часовъ утра, въ знаменитой концертной залѣ Gewandhaus.

Прежде всего замѣчу, что зало мнѣ сильно не нравится, (какъ очень многое изъ практической жизни въ Лейпцигѣ). Оно не велико, человекъ на четыреста (считая и галерею). Мѣста для публики, устроены параллельно *вдоль* зала, т. е. половина слушателей, лицомъ къ другой (какъ въ омнибусахъ) и, слѣдовательно, бокомъ къ концертной эстрадѣ. Убранство залы не изящное. Надъ главными дверьми, за эстрадой, надпись: «Res severa est verum gaudium — За симъ программа концерта (или matinée für kammermusik).

- 1) *Квартетъ* братьевъ Мюллеровъ, (сыновей знаменитыхъ квартетистовъ), къ сожалѣнію не изъ музыки Бетховена или Гайдна, а новый, сочиненія одного изъ исполнителей, квартетъ in vier fugierten Sätzen (Скученько! мнѣ пришло на память, что Берлиозъ перевелъ латинскую надпись въ этой залѣ такимъ образомъ: l'ennui est le vrai plaisir).
- 2) Псаломъ An den Wässern zu Babylon, соч. Гиллера, для сопрано соло съ ф. п. (исполнила г-жа Рекламъ). Музыка зѣлоплохая!
- 3) «Италіанскій концертъ» Себастьяна Баха, исполненный Гансомъ ф. *Бюлоу*. *Совершенство*, какъ сочиненіе и какъ исполненіе! Въ этомъ родѣ я ничего лучше не слышалъ, Бюлоу, какъ я уже вамъ докладывалъ, артистъ *великій* (хотя по моимъ понятіямъ, не гениальный; только высшая степень таланта, съ высшимъ умомъ развитаго). Впечатлѣніе отъ этой музыки Баха такъ исполненной, повторяю, *несравнимое*.
- 4) Соната Тартини, мастерски исполненная перво-степеннымъ скриначемъ, Фердинандомъ Давидомъ, отлично акомпанированная Гансомъ Бронсаромъ.
- 5) Баллада Бюргира «Ленора», декламированная г-ею Риттеръ, съ музыкою Листа для ф. п. (Бронсаръ). Эта мелодрама столько же, если не болѣе, удачна, какъ баллада Шумана, der Haidenknecht. Это отличное произведеніе Листа, было

исполнено здѣсь еще въ первый разъ, по рукописи.

6) Тріо Франца Шуберта для ф. п., скрипки и виолончеля В-дур (Бюлоу, Давидъ и Грюцмахеръ). Есть прелестныя части, но вообще длинновато, а въ стилѣ мелковато.

Послѣ обѣда было еще засѣданіе въ залѣ Schützenhaus. Опять читали и говорили рѣчи (между прочимъ было прочтано мое письмо, «Offener Brief», о нѣкоторыхъ новыхъ взглядахъ на симфоніи Бетховена, съ технической ихъ стороны.

Вечеромъ въ театрѣ дана была единственная, написанная Шуманомъ, опера: «Геновева». Этимъ произведеніемъ основателя лейпцигской музыкальной газеты (Neue Zeitschrift) заключилось юбилейное ея празднество. Отчетъ объ этой замѣчательной оперѣ и *нѣкоторой другой*, слышанной мною на слѣдующій день, въ Веймарѣ, останется напередъ. Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, долженъ же онъ быть и для этого письма.

А. СЪРОВЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Вѣсти изъ Парижа. — Побѣда при Маджентѣ. — Кантата Мерп. — Г-жа Альбони. — Парижскіе театры. — Письмо Герца изъ Варшавы. — Александръ Беттени. — Вѣсти изъ Лондона. — Два Донъ-Жуана. — Лондонскіе концерты. — Вѣсти изъ Вѣны и Нью-Йорка.

Нынѣшняя наша статья не совсемъ соответствуетъ своему заглавію. Несмотря на порядочное количество иностранныхъ журналовъ, лежащихъ передъ нами, выписываемъ изъ нихъ немного, а объ театральной и музыкальной дѣятельности въ нашихъ провинціяхъ не можемъ нынче дать никакихъ свѣдѣній. Всѣ изящныя искусства сосредоточились въ двухъ главныхъ столицахъ Европы: Парижѣ и Лондонѣ. О нихъ-то мы намѣрены сегодня писать, прибавивъ кое-какія мелкія извѣстія.

Блистательная побѣда при Маджентѣ воодушевила всѣхъ французскихъ поэтовъ и композиторовъ. Ветераны поэзіи и музыки, Мери и Оберъ, первые написали кантату, подъ названіемъ: «Маджента», исполненную въ Большой Оперѣ г. Гермаромъ, а въ Комической Оперѣ теноромъ Монтобри.

Во время республики и первой имперіи, существовалъ обычай восхвалять священными и патриотическими гимнами подвиги своихъ согражданъ. Такъ напр. праздновали ежегодно съ большимъ великолѣпіемъ 14-е іюля. Въ 1800 г. это празднество пришлось въ одно время съ возвращеніемъ Бонапарта въ Парижъ послѣ побѣды при Маренго. «Великолѣпное торжество было приготовлено въ домѣ Инвалидовъ, говорить г. Тьеръ; музыкантъ Мегюль сочинилъ превосходные гимны, для исполненія которыхъ были нарочно выписаны пѣвцы изъ Италіи».

Побѣда при Маджентѣ отпраздновалась, если не съ такою же пышностью, то по крайней мѣрѣ съ такимъ же энтузіазмомъ, хотя пѣли только французскіе пѣвцы. Читатели вѣрно найдутъ не лишнимъ прочесть прекрасныя стихи кантаты Мери, произведшей большой эффектъ въ Оперѣ. Вотъ они:

Toujours nos destins sont prospères,
Toujours nos drapeaux triomphants,
France, tu couronnas les pères,
Tu vas couronner les enfans.
Le cri d'honneur qui les rallie
Sème la joie et la terreur,
En avant! vive l'Italie!
En avant! vive l'Empereur!

* * *

Ils ont recommencé l'histoire!
Salut, pays que nous aimons!
Salut, cités de la victoire!
Jardins de fleurs au pied des monts!
Ils ont paru dans la mêlée,
Le fer aux mains, la flamme aux yeux!
Sur les fils, la victoire ailée,
A crié: Ce sont les aïeux!

* *

Ils ont rempli notre espérance,
Brisé le joug de l'opresseur,
Toujours Dieu protège la France
Marengo nous donne une soeur.
Berceau des arts, pays de gloire,
Reprends ton antique fierté,
Car le jour de notre victoire
Est le jour de ta liberté!

Mery.

На другой день другая кантата была пропѣта въ Комической Оперѣ пѣвцами Монтобри, Журданомъ, Кротти, г-жей Форъ-Лефевръ и хорамъ; она называется *l'Italie*. Въ Италіанской Оперѣ также прозвучалъ громкій гимнъ Риттера: *Пробужденіе Италіи*.

Опера идетъ своимъ порядкомъ: только вмѣсто Борги, Мамо ангажирована изъ Америки пѣвица Вестивали, которая замѣнитъ и г-жу Чиллагъ, не сошедшуюся съ дирекціей Большой Оперы. Борги-Мамо заступитъ въ свою очередь въ италіанской группѣ мѣсто г-жи Альбони, приводящей въ восторгъ жителей Гавра. Князь Понятовскій оканчиваетъ новую оперу, которую намѣренъ отдать на сцену Большой Оперы.

Французскій Театръ возобновилъ комедію въ стихахъ Коллена Дарлевиля: «Старый холостякъ (Le vieux celibataire)». Эта пьеса была въ первый разъ представлена въ 1792 г. Возобновленіе не имѣло большаго успѣха. Форма комедіи и слогъ сильно устарѣли и даже игра такихъ актеровъ, какъ Сансонъ Натали и Дельфина Фиксъ, не могла разогнать холодности зрителей. — За-то на театрѣ Gaité новая драма гг. Арно и Жюдисеа вызываетъ жаркія рукоплесканія. Она называется: «La veille de Marengo» и происходитъ въ началѣ консульства Бонапарта. — Дочь одного италіанскаго графа любитъ французскаго офицера изъ войска Бонапарта, идущаго на помощь Италіянцамъ, угнѣтаемымъ Австрійцами. Въ италіанскую графиню влюбленъ и австрійскій генералъ, который велитъ разстрѣлять своего соперника, но... (въ драмахъ всегда кетати является но...) австрійскій генералъ въ свою очередь дѣлается плѣннымъ Французовъ; Бонапартъ выигралъ сраженіе при Маренго. — Италіанскій графъ на радости въ пророческомъ бреду предсказываетъ освобожденіе Италіи Наполеономъ III и пораженіе австрійскихъ солдатъ цѣлымъ *ураганомъ звуковъ*. — Вотъ главная основа этой военной драмы, въ которой есть сраженіе, переходъ войска черезъ Сен-Бернардъ, пораженіе Австрійцевъ, балетъ, въ которомъ италіанскія женщины похищаютъ ружья у спящихъ непріятелей и проч. Какъ пьеса «à-propos», драма имѣетъ большой успѣхъ.

Въ Парижѣ ждутъ въ скоромъ времени возвращенія Генриха Герца изъ Варшавы. Вотъ что пишетъ къ своимъ парижскимъ друзьямъ знаменитый виртуозъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Россіи.

Варшава.

Любезныя друзья!

Исполняя ваше желаніе, сообщаю вамъ нѣкоторыя подробности о моей поѣздкѣ въ Россію. Какъ вы, безъ сомнѣнія, скоро узнаете, на дорогѣ въ Россію у меня украли маленькій sac de voyage, въ которомъ было 5000 фр. денегъ, нѣсколько драгоценностей и паспортъ. По милости этого вора:

я пять суток пробхалъ въ телегѣ по морозу въ 20 градусовъ и покрытый снѣгомъ. Я прѣхалъ въ Петербургъ въ послѣдній день русской масляницы и вечеромъ слышалъ въ послѣдній разъ въ «Травіатѣ» бѣдную Бозіо. Прекрасная зала Большаго Театра блестяла роскошными нарядами и брилліантами. (Вы уже знаете, что русскія драмы удивительно одѣваются и обладаютъ великолѣпными брилліантами). Бозіо произвела фуроръ; я поздравилъ ее съ блистательнымъ успѣхомъ въ ея уборной... Съ какою радостью она собиралась увидѣться съ своими друзьями и публикой въ Парижѣ и Лондонѣ...

Съ постомъ начинается цѣлое наводненіе концертовъ. Въ Петербургѣ въ большой модѣ концерты съ живыми картинами; даютъ также прекрасныя симфоническіе концерты, благотворительныя, гдѣ участвуютъ благородныя любители; но лучше всего духовныя концерты, Пѣвческой Придворной Капеллы. Оркестровъ въ Петербургѣ шесть, принадлежащихъ Императорскимъ театрамъ. Почти всѣ члены оркестровъ пѣмцы, и когда ими управляетъ Ф. Шубертъ, они исполняютъ свое дѣло мастерски.

Въ Россіи очень любятъ фортепiano и многіе петербургскіе любители, *amateurs distingués*, мужчины и женщины, отлично играютъ на этомъ инструментѣ. Преподавателей на фортепiano бездна въ Петербургѣ, но самыя лучшія изъ нихъ: Гензельтъ, Антонъ Контскій, Рубинштейнъ и Геркѣ.

Изъ Петербурга я поѣхалъ въ Москву, гдѣ увидѣлъ великолѣпнѣйшій театръ въ мірѣ. Онъ можетъ вмѣстить болѣе 4000 зрителей. Московская публика необыкновенно радушна и гостеприимна, я съ сожалѣніемъ расстался съ добрыми Москвичами.

Вотъ я и въ Варшавѣ и снова восхищенъ дотога, что не знаю когда рѣшусь разстаться съ этимъ городомъ. Надобно сознаться, я не встрѣчалъ болѣе симпатичной и пріятливой націи, какъ Поляки и какъ они принимаютъ артистовъ.

Однако пора возвратиться въ Парижъ; думаю оставить Варшаву послѣ своего третьяго концерта и скоро увидѣться съ вами.

«Генрихъ Герцъ.»

Второй теноръ, пѣвшій въ нашей италіанской труппѣ, Александръ Беттини, поетъ въ Марсели съ большимъ успѣхомъ въ «Сопшамбулѣ», «Лучи» и др.

Въ Лондонѣ оба соперничающіе театра продолжаютъ свои представленія. «Донъ-Жуанъ» данъ попеременно на обоихъ театрахъ.—На Ковентгарденскомъ роли были распределены слѣдующимъ образомъ: доиъ-Оттавіо — Тамберликъ; доина-Анна — Гризи, Церлина — Пенко, Эльвира — Марай; доиъ-Жуанъ — Маріо; Лепорелло — Ронкони. «Донъ-Жуана» даютъ на Ковентгарденскомъ Театрѣ въ передѣлкѣ Алари, т. е. партію доиъ-Жуана занимаетъ теноръ, а партію Лепорелло—баритонъ. «Какой вандализмъ!» скажутъ строгіе критики. Но милостивые государи, тенора зовутъ Маріо, а баритона Ронкони, опера даетъ огромныя сборы, чего же болѣе? Да сверхъ того попробуйте-ка увѣрить бѣлокуроухъ миссъ, что роль доиъ-Жуана не нарочно написана для Маріо. Вѣдь его черная борода такъ хорошо обрамливается накрахмаленной фрезой и онъ такимъ сладкимъ голосомъ поетъ:

La ci darem la mano
La mi dirai di si!

Тѣмъ хуже для баритоновъ!—На Дрюриленскомъ Театрѣ, роль соблазнителя, въ противоположность Маріо, исполняетъ 60-ти-лѣтній Бадіали; доиъ-Оттавіо—Джульини, Лепорелло—Марини, доины Анны—г-жа Титъенсъ, доины Эльвиры—Ванери, Церлины—Викторія Бальфъ.—На Ковентгарденскомъ Театрѣ снова явилась «Марта»; прежніе артисты занимали главныя роли, но Марты, чудной, неподражаемой Марты, въ лицѣ Бозіо, уже не было. На этотъ разъ эту роль исполни-

ла г-жа Лотти.—Въ скоромъ времени дадутъ новую оперу Мейербеера: «le Pardon de Ploërmel», названную по-италіански: «Il pellegrinago», съ речитативами, прибавленными самимъ композиторомъ. Главныя роли займутъ г-жа Міоланъ-Карвалло, гг. Дебассини и Гардони. Концерты въ Лондонѣ весьма многочисленны, но не слишкомъ-то ревностно посѣщаются лондонскою публикой. Матеріальными успѣхами могутъ похвалиться Рубинштейнъ, Вѣнявскій, Клара Шуманнъ, пѣвецъ Штокгаузенъ; прочіе же виртуозы рѣшительно страдаютъ отъ невниманія публики и отъ недостатка слушателей.

Такъ-называемое «Musical society of London», основанное годъ тому назадъ ученымъ композиторомъ Саламаномъ, даетъ по четыре большихъ концерта въ недѣлю, извѣстныхъ подъ названіемъ «Conversazione», съ участіемъ знаменитѣйшихъ членовъ этого общества, къ которымъ принадлежатъ, между прочимъ Рубинштейнъ и Вѣнявскій.

Въ Лондонѣ составленъ проектъ основанія Генделевой коллегіи для сиротъ музыкантовъ всѣхъ классовъ и странъ, находящихся въ Великобританіи.

Приготовленія къ фестивалю Генделя оканчиваются. Оркестръ будетъ состоять изъ 463 музыкантовъ подъ управленіемъ Коста; хоры изъ 3400 голосовъ. Въ первый день исполнять «Мессію» во второй—«Te Deum», а въ третій «Israël en Egypte».

Посреди политическаго смятенія, помрачающаго невинныя наслажденія искусства, разнесся слухъ, что Италіанская Опера въ Вѣнѣ не кончитъ своего сезона; но это извѣстіе оказалось ложнымъ. Политика не вмѣшивается въ дѣла театра, тѣмъ болѣе, что изъ членовъ вѣнской италіанской труппы, за исключеніемъ Беттини, Цуччини, Коветти и пѣвицы Стефеноне и Брамбилла,—всѣ не Италіанцы; г-жи Лафонъ и Шартонъ-Демеръ Француженки; Каррионъ Испанецъ, Эверарди Бельгіецъ и т. д. Итакъ не политическое состояніе привело въ разстройство вѣнскую оперу, а неискусное распоряженіе дирекціи. Новая опера синьора Педротти: «Фіорина», не имѣла успѣха; въ ней нѣтъ ни оригинальности, ни стили, но зато много шума и претензій. Возобновлена «Свадьба Фигаро», въ которой г-жа Шартонъ-Демеръ, попрежнему, прекрасна въ роли Сусанны. Для бенефеа Беттини готовить «Отелло».

Въ Нью-Йоркѣ, Пикколомини сдѣлалась enfant gâtée тамешняго музыкальнаго свѣта. Она уже пѣла съ блистательнымъ успѣхомъ въ «Травіатѣ», «Дон-Пасквале», «Трубадурѣ», «Любовномъ папикѣ» и «Дон-Жуанѣ». Въ скоромъ времени Пикколомини будетъ пѣть въ «Полювктѣ», партію Полины, а въ концѣ іюня думаетъ возвратиться въ Европу.—Директоръ оперной труппы Нью-Йорка, Стракошъ, ангажировалъ еще одну примадонну Кортези, знакомую пѣкогда и петербургскимъ меломанамъ. Она будетъ дебютировать въ «Макбетѣ».

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Дикобразъ» (провинціальныя сцены), комедія г. Пяпова. (Библиот. для чтен. книжка 4).

Въ русской журналистикѣ существуетъ давнишній обычай дѣлать критическіе разборы и даже краткіе критическіе отзывы только о тѣхъ произведеніяхъ научныхъ и литературныхъ, которыя выходятъ въ свѣтъ отдѣльными книгами, а тѣ, которые помѣщаются въ журналахъ, весьма рѣдко удостоиваются вниманія журнальной критики, не смотря на то, что другой критикъ никакой не существуетъ. Отдѣльно выпущенное сочиненіе, будь оно напимѣръ хоть объ истребленіи клоповъ посредствомъ персидскаго порошка, непременно будетъ разобрано въ журналахъ, если не по призванію рецензентовъ, то по обязанности ихъ передъ аккуратнѣйшими

редакторами. (А редакторы всё чрезвычайно аккуратны, когда дело коснется наблюдения за исполнением сотрудниками их обязанностей. Будь рецензентом хоть Бялинский, а естественнее о клопах разбери и рецензию представь в срок. Такова уж судьба рецензентов, хотя оказывается несколько странным, что позволения в отношении к их сотрудникам — лошадям гораздо разборчивее: — они на рысаках никогда не возят воду). Романы г. Писемского «Тысяча душ» начали усердно критиковать только после выхода его отдельной книжкой, а до того времени как-будто его и не существовало; теперь полгода уже, как напечатано «Дворянское гнёздо», а критика журналов молчит. Нельзя не сожалеться, что обычай — несколько японекій, и трудно постигнуть, почему он поддерживается; всякая рутинная предана навекомъ въ одинъ голосъ всѣми журналами, а между тѣмъ обычай, о которомъ говоримъ, нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ преобладаніемъ рутинны. Литература наша поглощена журналистикой и мы находимъ очень основательнымъ то предположеніе, что литература не только бы ничего не потеряла, но напротивъ много выиграла бы отъ развитія у насъ критическаго элемента; а развитіе это возможно въ одномъ лишь случаѣ, когда достояніемъ критики сдѣлаются всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія, помещаемыя въ періодическихъ изданіяхъ. Въ отношеніи къ искусству совершенно все равно, гдѣ бы не было напечатано произведеніе; слѣдовательно зачѣмъ же критика молчитъ? Неужели обязанность ея — говорить о книгѣ только тогда, когда она появится на полкахъ книжнаго магазина и будетъ продаваться поштучно? Мы думаемъ, что критика имѣетъ гораздо болѣе отношенія къ искусству, нежели къ книжной торговлѣ.

«Русское Слово» обѣщало открыть отдѣлъ обзорнаго журнала, но ограничивается до сихъ поръ однимъ обзоромъ; только изрѣдка появляются въ С. П. Вѣдомостяхъ обзорнаго московскихъ журналовъ и въ газетѣ «Русскій Миръ» существуетъ постоянный отдѣлъ для обзорнаго текущей литературы. Но было бы лучше, еслибы въ каждомъ, особенно ежемѣсячномъ журналѣ, публика имѣла полный отчетъ о дѣятельности другихъ журналовъ.

Мы сказали все это по-поводу напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Библиот. для чтен.» комедіи г. Иванова «Дикобразъ» (провинціальная сцена). О произведеніи этомъ мы не встрѣчали ни въ газетахъ *), ни въ журналахъ никакихъ отзывовъ, тогда какъ одно содержаніе комедіи должно бы было обратить вниманіе критики. Въ комедіи изображено все губернское общество отъ-мала-до-велика, отъ лакея до генерала, управляющаго губерніею, включительно; всѣ официальные лица губернской администраціи, чиновники служащіе и отставные, помещикъ, армейскій офицеръ, актриса и т. д., выставлены авторомъ на-показъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Таково социальное значеніе комедіи; но съ художественной стороны, со стороны основной мысли, комедія также богата и красотами и правдой. Авторъ остался строго вѣренъ дѣйствительности и превратилъ этотъ грубый матеріалъ въ образы, носящіе на себѣ поэтическое творчество, талантъ.

Мы не можемъ вдаваться въ слишкомъ подробный критическій анализъ, но постараемся передать сущность комедіи и возьмемъ тѣ мѣста, которыя наиболѣе характеризуютъ дѣйствующихъ лицъ.

Дикобразъ — это псевдонимъ главнаго дѣйствующаго лица комедіи, выгнаннаго изъ службы чиновника Горитскаго. Онъ получилъ это названіе вслѣдствіе нѣкотораго безобразія паружности. «Съ дѣтскихъ лѣтъ прозвище это пошу на себѣ, говоритъ онъ, однако же прежнее начальство не брезговало

тѣмъ, и еще удовольствіе оттого получали; такъ и въ присутствіи кликать меня изволили: — позвать, говорить, Дикобраза; я и иду... и могъ разговаривать о какихъ-угодно дѣлахъ.»

Какъ ни мало это мѣсто, но какъ много въ немъ сказано. Убитое человѣческое достоинство говорящаго видно въ каждомъ словѣ. Въ комедіи изображенъ эпизодъ изъ жизни Горитскаго съ времени увольненія его отъ службы до тѣхъ поръ, покуда онъ не достигъ на воровство; преступленіе это является въ видѣ правосудія и вынуждено крайней, безысходной нищетой.

Горитскій лишился службы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣдняго, единственнаго куска хлѣба, по слѣдующей причинѣ:

«Вышшій король нашъ великій, говоритъ Горитскій про генерала, управляющаго губерніею, какъ списатель еще въ наше правленіе и увидалъ меня, такъ и разгнѣваться изволили. Не могу, говоритъ я, — почти въ слухъ сказать изволили, — не могу, говоритъ, терпѣть въ губернскомъ вѣдомствѣ съ такими рожами чиновниковъ. А секретарь нашъ, ехидная душа, поддакнуть еще изволил; — онъ, говоритъ, ваше превосходительство, «я къ службѣ-то мало способенъ.»

Горитскій, бывши въ отставкѣ, пробовалъ доставать себѣ хлѣбъ, занимаясь при театрѣ, въ качествѣ простаго служащаго и на выходахъ... «однажды царекую свиту изображалъ,» какъ говоритъ онъ; но содержатель театра Ушаковъ не заплатилъ ему жалованья, а Горитскому него семьѣ нечего бѣть.

Личность Горитскаго можетъ показаться неестественной: разговоръ его попеременно выражаетъ то грусть, то пропію, иногда отзывается шуткой и равнодушіемъ къ своей горькой участи; но въ этомъ мы видимъ глубокую психологическую правду. Сильно страдаютъ только сильныя натуры, не утратившія самоуваженія, сознающія свое человѣческое достоинство; страданія ихъ сопровождаются попытками на борьбу, протестомъ противъ причинъ этихъ страданій; безнадежность, если она явилась уже къ довершенію несчастій человѣка съ сильной натурой, поражаетъ безмолвное, затаенное, повсѣтки сильное страданіе. Но не таковъ Горитскій: съ-мозоду въ немъ не были развиты инстинкты человѣческіе (онъ былъ семинаристъ), а потомъ характеру его не было поприща развиваться, потому что его общественное положеніе, можетъ быть, во всю жизнь его не допускало никакой самобытности; онъ привыкъ видѣть себя постоянно въ такой зависимости и отъ обстоятельствъ, выше которыхъ онъ никакъ не могъ стать, и отъ людей, произволъ которыхъ являлся для него неотразимой судьбою, закономъ, что всякая природная энергія сломилась бы подъ тяжестію такого гнета. Вотъ почему Горитскій измелъчалъ духомъ и страданія его часто уживаются съ шуткой; страданія, нищета и бѣдность породили въ немъ смѣсь нѣкотораго цинизма (онъ смѣется надъ своимъ положеніемъ, а это все равно, что бить себя по щекамъ), безответности и чувства истиннаго, безнадежнаго горя.

Другіе два чиновника, тоже отставленные отъ службы, Супербицкій и Громовъ, какъ холостые и слѣдовательно менѣе нуждающіеся, сохранили еще нѣкоторую энергію характера; у нихъ бѣдность получила отгѣнокъ поэзіи.

Въ противоположность этимъ персонажамъ выведены: чиновникъ служащій — Черемисповъ и молодой купецъ Козловъ. Это пошлыя, ко всему равнодушныя, самодовольныя и безнравственныя натуры. Совершенное отсутствіе чувства, мысли, понятій о чести — суть черты характера этихъ лицъ: въ созданіи ихъ также много правды и полноты въ очертавіи. Последнее составляетъ особенность произведенія г. Иванова. Каждое дѣйствующее лицо комедіи (а ихъ очень много) очерчено рѣзко и выукло, иногда нѣсколькими словами разговора. Несмотря на множество дѣйствующихъ лицъ, ни одного лишняго; всюду видна мысль, обдуманность, зрѣлость.

*) Кровь газеты «Русскій Миръ».

Комедія Львова и графа Соллогуба, написанныя на ту же тему чиновничества, не могут выдержать ни въ какомъ отношеніи сравненія съ комедіей г. Иванова. Кромѣ того, что мы сказали уже, прибавимъ, что языкъ комедіи необыкновенно сильный, юморъ грозный, безошадный, глубоко проникающій въ сердце читателя.

Изъ сорта высшаго губернскаго общества выставлены въ комедіи: генералъ, управляющій губерніею, и совѣтникъ уголовной палаты.

Содержатель театра помѣщикъ Ушаковъ, провинціальный актриса Александра и пѣхотный офицеръ Чижики, очерчены въ одной небольшой сценѣ чрезвычайно живо и полно. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ этой сцены:

Александра. Я вамъ говорила и опять повторяю: если вы непременно хотите, чтобы эта пѣса шла и чтобы я въ ней играла, такъ сдѣлайте мнѣ шалковое платье.

Ушаковъ. Да помилуй, подожди ты до ярмарки: теперь въ рядахъ все лучшее выбрано, осталась одна дрянь, которую совѣстно мнѣ покупать для тебя...

Александра. Ничего, купите сначала дрянь, только чтобы непременно было шалковое, или, лучше, дайте мнѣ денегъ, я сама куплю. А когда привезутъ съ ярмарки—я въ то время положусь на вашъ собственный вкусъ: что вамъ понравится, то мнѣ и подарите.

Ушаковъ. А есть пословица, что съ одного вола двухъ шкуръ не деруть.

Александра (*улыбалась*). Волъ-то бываетъ съ рогами, а я вамъ ихъ еще не приставила (*офицеръ хохочетъ*).

Ушаковъ. Ужь, по-моему, лучше бы рога, нежели ничего: полюбила, да разлюбила,—значитъ все-таки что-нибудь было, а то—по усамъ текло, да въ ротъ не кануло (*офицеръ хохочетъ*).

Александра. Я не изъ такихъ. Я люблю вѣрность и постоянство.

Ушаковъ. А зачѣмъ же ѣздить къ тебѣ сынъ нашего градскаго главы? Это какъ?

Александра. Учитя танцовать.

Ушаковъ. Почему за урокъ?

Александра. Мы безъ ряды; надѣюсь, что онъ меня не обидитъ.

Ушаковъ. Ужь конечно, ежели покажешь ему все, что слѣдуетъ, а то наши купцы даромъ не дадутъ.

Александра. Я настолько горда, что даромъ и не возьму.

Офицеръ (*рисуетъ*). Настасья Ивановна, неужели ваше сердце было всегда свободно?

Александра. Какъ вы любопытны.

Офицеръ. Какъ прародительница Ева. Природа ошиблась, сотворивъ меня на свѣтъ мужчиною.

Александра. Вы обтѣ этомъ жалѣете?

Офицеръ. О, да... впрочемъ пѣтъ: сдѣлавшись женщиной, я, подобно Нарцису, былъ въ влюбленъ только въ самого себя.

Ушаковъ (*офицеру*). Вотъ ты мнѣ напомнилъ: у меня была собака—нарцисъ; тоже, братецъ, всѣхъ женщинъ терпѣть не могла.

Офицеръ. Что же, Настасья Ивановна, такъ вы мнѣ и не скажете?

Александра. Чего вы отъ меня хотите?

Офицеръ. О, я много бы хотѣлъ, но въ настоящую минуту желалъ бы только знать: любили вы, или пѣтъ?

Александра. Да.

Офицеръ. Кто же былъ этотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Ушаковъ. Мнѣ бывший содержатель театра говорилъ, что какой-то частный повѣренный.

Александра. Извините-съ, гусарскій офицеръ. Прелесть! душка! какіе стихи писалъ!

Офицеръ. Чѣмъ же кошчилась ваша взаимность?

Александра. Ахъ, не спрашивайте: онъ поссорился за меня съ однимъ изъ своихъ товарищей и былъ убитъ на дуэли.

Одна изъ актрисъ (*про-себя*). И все вретъ, и все лжетъ!

Офицеръ (*охорашиваясь*). Наша братья умѣютъ постоять за себя: не то что какой-нибудь рябчикъ изъ статскихъ.

Ушаковъ (*самодовольно*). А я, братъ, такъ рябчиковъ люблю.

Александра. Не все военные одинаковы: другое дѣло—гусары, уланы... А ужъ эта мнѣ инфантерія!... (*офицеръ повертывается на стулѣ*) имѣнье все на себѣ; накупить себѣ фиксатуару и воображаютъ себя счастливыми... ха! ха! ха!

Офицеръ (*нѣсколько обидясь*). Напрасно такъ вы думаете.

Александра. Ахъ, извините, я не знала, что вы въ пѣхотѣ.

Ушаковъ (*офицеру*). Какъ это, братецъ, поговорка есть: пьяница во флотѣ, щеголь въ пѣхотѣ...

Офицеръ (*отрывисто*). Дуракъ въ кавалеріи...

Ушаковъ. А гусь въ артиллеріи... хоть не такъ, да складно.

Александра (*офицеру*). Вы богаты?

Офицеръ. Нѣтъ, я не богатъ, но двоюродная сестра моя имѣетъ 200 душъ: послѣ ея смерти все мнѣ достанется.

Александра (*офицеру*). Давно ли вы служите?

Офицеръ. Въ нынѣшнемъ году я поступилъ въ полкъ.

Александра. Велико ли ваше жалованье?

Офицеръ. 700 рублей.

Александра. Серебромъ.

Офицеръ (*торопливо*). Нѣтъ, ассигнаціями. Впрочемъ, меня, можетъ быть, скоро сдѣлаютъ казначеемъ.

Александра. Что вы не танцовали вчера въ маскарадѣ?

Офицеръ (*самодовольно*). Я былъ въ своей формѣ, а вы знаете, недавно удостоили меня знакомъ отличія, ну такъ согласитесь, съ крестомъ не ловко же танцовать...

Александра. Вотъ вздоръ какой! я видала, танцуютъ очень много.

Офицеръ. Но я въ этомъ случаѣ пріятное исключеніе. У меня свой особенный взглядъ на всѣ вещи.

Ушаковъ (*Александровой*). Настасья Ивановна...

Александра. Что вамъ угодно?

Ушаковъ. Вѣдь въ «Материнскомъ благословеніи» придется тебѣ представлять, какъ ты спишь.

Офицеръ. Въ самомъ дѣлѣ?—Это очень интересно!

Александра — Знаютъ и безъ васъ.

Ушаковъ (*Александровой*). Въ чемъ же ты будешь?

Александра. Обыкновенно—въ бѣломъ платьѣ съ короткими рукавами.

Ушаковъ. Такъ вотъ я раздумался, если бы это сдѣлать все такъ, какъ въ самой жизни бываетъ, да заблаговременно публиковать бы въ афишѣ, что такого-то числа представлена будетъ пѣса съ принадлежащими къ оной... какой бы удивительный сборъ взяли мы:—здѣсь вѣдь это любятъ. Развѣ что только дамы обидятся, такъ для нихъ послѣ можно было бы какое-нибудь особое представленіе назначить.

Александра. Вы все глупости говорите.

Ушаковъ. Не глупость, а любовь моя къ тебѣ говорить.

Александра. Очень мнѣ нужно: женатыхъ не любить.

Ушаковъ. Вотъ тебѣ и на. Нечего дѣлать, со всего горя великаго приложиться видно къ рюмочкѣ... для цивилизаціи крови.

Офицеръ (*поправляя*). Для циркулизаціи!

Ушаковъ. Ну, да! (*пьетъ изъ графина на столѣ*). Совѣтую тебѣ послѣдовать по стопамъ моимъ...

(Окончаніе въ слѣд. №.)